

УДК 616.89-008.441.33-06:159

DOI: 10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.66-69

Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики личности наркозависимых

Р.В. Кадыров¹, И.А. Ковалев², И.С. Ильина¹¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет (690950, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2),² Краевой наркологический диспансер (690003, г. Владивосток, ул. Станюковича, 53)

Описаны психологические характеристики личности наркозависимых с психической травмой раннего возраста, рассмотрены особенности механизмов психологической защиты. Особое внимание уделено взаимосвязи психологических характеристик и опыта переживания травмы раннего возраста.

Ключевые слова: психическое здоровье населения, психоактивные вещества, каннабиоидная наркомания, психодиагностический метод.

Проблема психической травмы раннего возраста является одной из важнейших в современной психологии. Психическая травма раннего возраста понимается как «опыт переживания насилия и эмоциональной холодности в раннем детстве» для конкретной личности, формирующий у нее отсутствие предсказуемого самоощущения, плохое чувство автономности с нарушенным образом тела [8]. Сюда же относят трудности в управлении аффектом и контролем импульсов, включая агрессию по отношению к себе и другим, а также неуверенность в отношении надежности и предсказуемости окружающих. В результате взаимодействия многих личностных характеристик травма раннего возраста может стать причиной зависимости от психоактивных веществ, как компенсаторного механизма личности. Подневольное поведение формируется во взаимоотношениях с другими людьми, в первую очередь, близкими, членами семьи [6]. Зависимость от психоактивных веществ в России является социально значимым заболеванием, наряду с онкологической патологией и туберкулезом, приводящим к ухудшению общего уровня психического здоровья населения [2, 10].

Следует отметить, что процесс переживания последствий насилия и эмоциональной холодности в раннем детстве может быть отсроченным [3]. Так, в течение определенного промежутка времени у человека хватает сил и возможностей справляться с непроработанной травматической ситуацией, но далее может произойти истощение ресурсов, помогающих преодолевать жизненные трудности, и даже незначительный стресс может спровоцировать срыв адаптивных возможностей и привести к зависимости от психоактивных веществ [9]. Среди социально-психологических факторов формирования зависимости здесь немаловажную роль играют переживания психической травмы раннего возраста [1, 4, 12]. Причем среди причин срыва адаптации могут быть как внешние ситуации – раннее и травматическое отделение от родителей, воспитание в интернате, сексуальное насилие и т.п., так

и «субъективно значимые» факторы – неспособность ближайшего окружения обеспечить ребенку атмосферу доверия, защищенности, эмоционального резонанса [1]. Вопрос же о психических характеристиках личности, зависимой от психоактивных веществ, имеющей в анамнезе психическую травму раннего возраста, остается малоизученным.

Цель настоящей работы состояла в том, чтобы выявить и описать психологические характеристики личности наркозависимых с психической травмой раннего возраста. Задачи исследования сводились к тому, чтобы установить соотношение переживания травмы раннего возраста по субъективной оценке людей с зависимостью от психоактивных веществ, дать их психологическую характеристику и исследовать ее взаимосвязь с опытом переживания травмы раннего возраста.

Материал и методы

Эмпирическое исследование проводилось с 14 февраля по 5 марта 2015 г. на базе КНД (г. Владивосток). Выборка состояла из 70 человек (39 мужчин и 31 женщина) в возрасте от 27 до 43 лет. Эмпирическую группу (ЭГ) составили 35 лиц (21 мужчина и 14 женщин), страдавших наркотической зависимостью (каннабиоидная наркомания). В исследование не включались больные с органическими поражениями центральной нервной системы, лица с выраженными невротическими и депрессивными расстройствами и актуальными психотическими переживаниями. Контрольной группой (КГ) послужили 35 человек (22 мужчины и 13 женщин), нестрадавших наркотической зависимостью, сопоставимых по возрасту и основным социально-демографическим показателям с эмпирической группой. Условия, в которых проводилось исследование, были одинаковыми для всех испытуемых. После оценки переживания травмы раннего возраста и психической травмы для диагностики психических характеристик в ЭГ осталось 32 человека с неоднократным ранним опытом детской психической травмы и в КГ 28 человек

практически без раннего опыта детской психической травмы.

Использовался следующий блок психодиагностических методик:

- ♦ для оценки переживания травмы раннего возраста и психической травмы: авторская анкета Р.В. Кадырова «Ранний опыт отношения в семье» (изучение нарушения привязанности, раннего и травматического отделения от родителей вследствие их утраты, воспитание ребенка в интернате с бездушным, жестоким обращением, сексуальное насилие и т.п.) и опросник травматических событий (Life Experience Questionnaire – LEQ), адаптированный Н.В. Тарабриной (изучения ситуаций, которые имеют травматический характер) [11];
- ♦ для оценки психологических характеристик личности: шкала психологической разумности, апробированная М.А. Новиковой и Т.В. Корниловой (для диагностики процессов движения субъекта к собственному внутреннему опыту) [5], шкала базисных убеждений Ронни Янов-Бульман, адаптированная М.А. Падун и А.В. Котельниковой (для оценки базовых установок личности, касающихся образа «Я» и окружающего мира, которые подвергаются воздействию психической травмы) [7], тест смысловых ориентаций, адаптированный Д.А. Леонтьевым (исследования смысловой сферы), многофакторный личностный опросник FPI (Freiburg Personality Inventory), адаптированный А.А. Крыловым (диагностики состояний и свойств личности). Также изучались основные типы копинг-поведения (по С. Норману), основанные на субшкалах (решение задач, эмоции, избегание, отвлечение, социальное отвлечение), индекс жизненного стиля (Life Style Index), созданный на основе психоэволюционной теории Р. Плутчика и структурной теории личности Г. Келлермана (ведущие механизмы психологической защиты и степень их напряженности) [8].

Для статистической обработки полученных данных использовались методы описательной статистики, применялись критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Спирмена.

Результаты исследования

В группе лиц с наркотической зависимостью в отличие от группы условно здоровых значительно чаще обнаруживались признаки психической травмы раннего возраста: негативное отношение к матери, отторжение со стороны значимых близких. У половины из них в опыте имелись вербальное, физическое или сексуальное насилие, недостаток внимания и пренебрежение

потребностями ребенка. У многих представителей ЭГ в анамнезе выявлена смерть значимого близкого. Большинство исследуемых из этой группы вспоминали довольно чувствительные травматические события, повлиявшие на их повседневную жизнь: криминальные инциденты (участники или свидетели), развод родителей, нападение на членов семьи и друзей и др. (табл.). Это позволяет говорить о том, что опыт ранних психотравмирующих переживаний, возможно, является «платформой» для последующей психотравматизации личности и влияет на ее взаимоотношение с окружающими.

Исследование психологических характеристик по FPI показало, что у лиц с наркотической зависимостью в большей степени выражены показатели по шкалам «невротичность» и «эмоциональная лабильность». Им была свойственна высокая утомляемость, раздражительность, возбудимость, неустойчивость эмоционального состояния, проявляющиеся в частых колебаниях настроения, недостаточной саморегуляции. Вероятнее всего, это могло быть связано с нарушениями функций нервной системы под воздействием наркотических веществ. В частности у лиц, употребляющих психоактивные вещества, может усиливаться или ослабляться выработка нейромедиаторов, происходит постепенное разрушение психики, нарушается логичность мышления, возникает стойкая депрессия. Можно предположить, что наркозависимые менее стрессоустойчивы и склонны к чрезмерной ситуативной тревоге, на фоне чего может снижаться самооценка, и возникать ощущение подавленности.

Таблица

Опыт травматических переживаний у наркозависимых

Травматическое переживание	Количество ситуаций, абс.	
	ЭГ	КГ
<i>Ранняя детская травма (до 5 лет)</i>		
Негативное отношение к матери в раннем детстве	32	6
Отторжение со стороны значимых близких	28	5
Вербальное, физическое или сексуальное насилие	19	5
Смерть значимого близкого	10	4
Недостаток необходимого внимания и пренебрежение	16	5
<i>Травматические события</i>		
Криминальные события (нападение, ограбление)	12	2
Природные катастрофы (землетрясение, наводнение)	1	0
Нападение членов семьи или друзей	9	1
Опасное для жизни заболевание	3	0
Потеря значимого человека	7	4
Близкий человек с сильным эмоциональным нарушением*	7	3
Изнасилование, сексуальное домогательство	8	2
Развод родителей	12	4

* Пристрастие к алкоголю, наркотикам.

Исследование базисных убеждений выявило значимые различия по шкалам «справедливость» и «удача» между ЭГ и КГ. Представители первой группы считали, что люди, совершающие плохие поступки, не будут за это наказаны, а за хорошие поступки вознаграждения можно не ждать. Таким образом, люди с наркотической зависимостью были убеждены в том, что если они совершат что-то противозаконное или неодобряемое обществом, наказания не последует.

Шкала психологической разумности показала, что у лиц с наркотической зависимостью по субшкалам «польза обсуждения собственных переживаний с другими людьми» и «желание и готовность обсуждать свои проблемы с другими людьми» показатели выше, чем в контроле. Они не видели смысла в обсуждении своих проблем и собственных переживаний с другими людьми, что, возможно, это связано с неудачным ранним опытом и нежеланием рефлексии.

Анализ результатов по тесту смысложизненных ориентаций выявил, что в ЭГ показатели по субшкалам «процесс жизни» и «результативность жизни» ниже, чем в КГ, что свидетельствовало в пользу неудовлетворенности жизнью в настоящем при возложении больших надежд на будущее. Наркозависимые жили с мыслью о том, что «когда-нибудь все будет по-другому», не прилагая усилий для изменений в лучшую сторону. При этом они считали свою жизнь в прошлом продуктивной и осмысленной. Отношение к целям жизни, базирующееся на личном опыте, позволяло воспринимать действительность без антагонистических дихотомий и гибко реализовывать в поведении интернализированные ценности. Однако не критическое осмысление реальности и низкая сензитивность обуславливали чувство неудовлетворенности собой и склонность перекладывать ответственность за жизненные неудачи в настоящем на факторы окружающей действительности.

По методике исследования копинг-поведения в стрессовых ситуациях для большинства наркозависимых оказался присущим проблемно-ориентированный копинг-стиль, который характеризуется поведением, ориентированным на решение существующей проблемы. Это позволяет предположить, что поведение большинства испытуемых было направлено на окружающую действительность и что наркозависимые в стрессовых ситуациях стремились решить свои проблемы. Но, вероятно, невозможность справиться с психической травмой детства и адаптироваться к условиям жизнедеятельности привела к употреблению наркотиков, создающих иллюзию решения проблем.

При оценке индекса жизненного стиля выяснено, что наиболее распространенным типом психологической защиты у представителей ЭГ (26 человек) была «проекция», посредством которой неосознаваемые и неприемлемые для личности чувства и мысли приписываются другим людям и для личности становятся

несущественными. Так, приписывая другим людям свои собственные эмоции и чувства, наркозависимые становились более внимательными и осторожными в общении с окружающими, что, в свою очередь, вело к формированию такой личностной черты, как подозрительность. У 25 человек из группы наркозависимых определена сильная выраженность механизма «отрицание» – психологической защиты, посредством которой личность или отрицает некоторые фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства и факторы, или какой-либо внутренней импульс, или сторону самой себя. Отрицание как психологическая защита чаще всего реализуется в конфликтах и характеризуется внешне отчетливым искажением восприятия действительности. В нашем случае это проявлялось отрицанием наличия психического заболевания, так как большинство наркозависимых считали себя почти здоровыми и способными отказаться в любое время от психоактивных веществ.

В результате анализа взаимосвязи с помощью коэффициента корреляции Спирмена в ходе статистической обработки данных выявлены следующие значимые корреляционные связи:

- ♦ между процессом и результативностью жизни с базисными убеждениями «удача» и «справедливость» и защитным механизмом «отрицание». У лиц с наркотической зависимостью при неудовлетворенности жизнью в настоящем, направленности личностных смыслов на прошлый опыт с нацеленностью на будущее наблюдалось отрицание конфликтотенной информации при усилении контроля сознания, обеспечивающего относительную эмоциональную стабильность поведения. Последнее характеризовалось стереотипностью, практичностью и ориентацией на рациональный подход к решению проблем. При этом они не верили в справедливость окружающего мира, но постоянно надеялись на удачу в будущем, несмотря на то, что это ожидание ничем не подтверждалось в повседневной жизни;
- ♦ между защитными механизмами «проекция» и «отрицание» и психическими характеристиками «невротичность» и «эмоциональная лабильность». Это позволяет говорить о том, что выраженность в поведении наркозависимых указанных защитных механизмов ведет к состоянию дезадаптации, тревожности, потери контроля над влечениями и выраженной дезорганизации поведения. Это может проявляться невротическим синдромом астенического типа со значительными психосоматическими нарушениями;
- ♦ между копинг-поведением, направленным на решение задач, и основным базисным убеждением «удача». Многие наркозависимые считают, что при решении тех или иных проблем им часто сопутствует удача. Частично это можно объяснить нарушенным восприятием окружающего мира под воздействием психоактивных веществ;

- ♦ между защитным механизмом «отрицание» и копинг-поведением, направленным на решение задач. Наркозависимые, отрицая события, обстоятельства или отдельные факторы, вызывающие тревогу, вполне могут справляться с возникшей стрессовой ситуацией, так как она воспринимается не полностью, а фрагментарно, что снижает тревожность и переживания;
- ♦ между защитным механизмом «проекция» и копинг-стилем, направленным на решение задач. Неприемлемые навязчивые чувства и мысли, напоминающие о травмирующем событии, приписываются другим людям и становятся как бы вторичными, таким образом, наркозависимые способны преодолеть трудную ситуацию.

Обсуждение полученных данных

В группе лиц с наркотической зависимостью значительно чаще отмечаются факты неоднократного детского травматического опыта (родительская дисфункция в результате злоупотребления алкоголем родителей, эмоциональное насилие, нарушение привязанности и т.п.) и травматизации в последующем по сравнению со здоровыми лицами.

Наркозависимые с психической травмой раннего возраста имеют следующие психологические характеристики: склонность поддаваться нахлынувшим эмоциям и «срываться» на окружающих, попав в трудную ситуацию, склонность раздражаться даже по незначительному поводу. Они воспринимают окружающих, как «жестких» критиков по отношению к своей деятельности. В погоне за счастливым и удачным будущим наркозависимые всеми силами стараются избежать «прошлых» неудач, прилагая намного больше усилий, чем требуется в построении отношений или при выполнении какой-либо деятельности.

У лиц с наркотической зависимостью выраженность в поведении таких защитных механизмов как проекция и отрицание приводит к состоянию дезадаптации, тревожности, потери контроля над влечениями, выраженной дезорганизации поведения, что может воплощаться в невротическом синдроме астенического типа со значительными психосоматическими нарушениями.

Заключение

Исследования по данной теме необходимо продолжать с целью уточнения и проверки результатов, а также расширения выборки исследуемых. Тем не менее проведенный анализ позволил выявить ряд психологических характеристик наркозависимых с психической травмой раннего возраста: склонность поддаваться эмоциям, раздражительность, восприятие окружающих людей, как критиков и т.д. Выраженность защитных механизмов «проекция» и «отрицание» провоцирует тревожность, дезадаптацию, дезорганизацию поведения. У лиц с наркотической зависимостью значительно чаще, чем у здоровых, отмечаются

факты неоднократного детского травматического опыта и травматизации в последующем.

Литература

1. Белокрылов И.В., Даренский И.Д. Личностные и средовые факторы развития зависимости от психоактивных веществ // Руководство по наркологии в 2 т. Т. 1 / под ред. Н.Н. Иванец. М.: Медпрактика-М, 2002. С. 161–181.
2. Вавренчук В.В. Противоорганные антители у наркозависимых больных, их параспецифичность и цитотоксичность // Тихоокеанский медицинский журнал». 2008. № 4. С. 34–37.
3. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / пер. с нем. М.: Академический проект, 2001. 144 с.
4. Москаленко В.Д. Созависимость при алкоголизме и наркомании: пособие для врачей, психологов и родственников больных. М.: Анахарсис, 2002. 112 с.
5. Новикова М.А., Корнилова Т.В. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 6. С. 63–78.
6. Осинская С.А., Кравцова Н.А. Содержательные особенности образа отца у созависимой личности // Сибирский психологический журнал. 2013. № 47. С. 23–32.
7. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.
8. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: пособие для психологов и врачей / Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. [и др.]. СПб.: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 54 с.
9. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996. 144 с.
10. Социальные значимые заболевания населения России в 2013 году: статистические материалы. М.: ЦНИИОИЗ, 2014. С. 31–41.
11. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
12. Шитов Е.А. Влияние ранней детской психической травмы на клинику и динамику алкогольной зависимости: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2007. 27 с.

Поступила в редакцию 27.02.2016.

EARLY PSYCHIC TRAUMA AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRUG ADDICTED PERSONALITY

R.V. Kadyrov¹, I.A. Kovalev², I.S. Ilina¹

¹ Pacific State Medical University (2 Ostryakova Ave. Vladivostok 690950 Russian Federation), ² Regional Drug Abuse Clinic (53 Stan-yukovicha St. Vladivostok 690003 Russian Federation)

Objective. The study objective is to determine and to describe psychological features of drug addicts with early psychic trauma.

Methods. A survey included 70 people of 27–43 age, 35 of which have suffered from drug addiction (cannabis addiction). We used the author's profile of R.V. Kadyrov, questionnaires LEQ and the FPI, the scale of intelligence and psychological basis of beliefs and other psycho diagnostic methods.

Results. Among drug addicts it was often detected signs of early psychic trauma, it was greater severity of neuroticism and emotional lability, and such defense mechanisms as a projection and denial.

Conclusions. The analysis revealed a number of psychological characteristics of drug addicts with early psychic trauma: the tendency to be impulsive, irritability, perception of other people as the detractors, etc. Intensity of protective mechanisms, «projection» and «denial» provokes anxiety, maladjustment and disorganization of behavior.

Keywords: mental public health, psychoactive drugs, cannabis addiction, psychognostic method.